

В БЕСЕДЕ С НАШИМ
КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

ЭРНСТ БУШ СНОВА В МОСКВЕ

Эрнст Буш.

Актер «Берлинер Ансамбля», всемирно известный революционный певец-трибун Эрнст Буш в этом году встретил 1 Мая в Москве. Артист рассказывает, что он впервые предстанет перед зрителями-москвичами ровно 20 лет спустя после своих выступлений по Московскому радио в антифашистских передачах. Советские люди старшего поколения хорошо помнят его боевые, зажигающие песни — «Песню солидарности», «Песню единого фронта», «Песню болатных солдат»...

...У Буша позади бурная жизнь революционера-интернационалиста. Сын простого каменщика, руководитель организации социалистической рабочей молодежи, Буш свои первые шаги на сцене сделал в городском театре Киль. Позднее он снимался в антивоенном фильме «Ничейная земля», в экранизации «Трехгрошовой оперы» Брехта. Сблизившись с Брехтом, он выступал в Берлине и завоевал известность далеко за пределами Германии. В годы политэмиграции певец устремился на передний край борьбы — в Испанию, где выступал вместе с Полем Робсоном. Судьба политэмигранта бросала его из страны в страну: Голландия, Бельгия, бегство во Францию, арест, снова побег. Вишисты выдали певца свободы в руки гестапо. В берлинской тюрьме Моабит во время бомбежки Буш был тяжело ранен. Освобождение узнику принесла Советская Армия.

И вот Буш, энергичный и приветливый, перел нам в номере московской гостиницы... Когда речь заходит о работе в послевоенном театре, Эрнст Буш с увлечением рассказывает о своих многочисленных ролях. Он создал образы Яго и Мефистофеля — антиподов Отелло и Фауста; образ Семена Лапкина в «Матери»; в пьесах Брехта — образы повара в «Матушке Кураж», судьи Аздака в «Кавказском меловом круге» и, наконец, Галилея в «Жизни Галилея».

— Любимая роль? О, это очень трудный вопрос... Может быть, Яго или Мефистофель, а может быть, Галилей.

Охотно и с увлечением Буш говорит о работе над ролью Галилея, над сложнейшим образом великого ученого, «разрушителя библии». Рассказывая о философской концепции «Галилея», Буш замечает:

— Мысли Брехта о гражданской ответственности людей науки, о полезном и опасном употреблении плодов «чистой мысли» очень хорошо поняли восемнадцать ученых-атомников, выступивших с протестом против атомного вооружения Западной Германии.

Брехт-драматург, продолжает Буш, — это прежде всего художник мысли, а не внешнего образа. «Жизнь

Галилея» — пожалуй, его лучшая пьеса, и творческие принципы автора выступают здесь наиболее ярко. Эта пьеса может показаться особенно сложной новому зрителю. Поэтому «Галилей» стал главной заботой ансамбля.

Задача исполнителя заглавной роли в такой пьесе особенно ответственна.

— Есть пьесы, — говорит Буш, — доходчивости которых мало мешает незнакомый зрителю язык. Таковы, например, пьесы Фридриха Вольфа. Но когда Брехт вообще впервые ставится на московской сцене и при этом в оригинале, на немецком языке, мы испытываем большое волнение. «Жизнью Галилея» мы боремся за «первое впечатление». Этим спектаклем мы стремимся заставить зрителя по-новому взглянуть на привычное. Но и от немецкого зрителя мы не добились еще, как нам кажется, полного понимания сущности пьесы.

Мой Галилей должен быть не только простым, человеческим Галилеем, но и предельно доходчивым. Особенно важна для понимания идеи такая ключевая сцена, как продолжительная беседа с монахом.

Конечно, приезд Буша в Москву — большое событие в его жизни. Здесь у него много друзей.

На прощание актер показывает дорогие ему фотографии, снятые во время его пребывания в Москве в 1936—1937 годах. Вот он снят с поэтом Эрихом Вайнертом; вместе они были в Москве, вместе приезжали в Ленинград и выступали в Доме писателя.

Мы знали Эрнста Буша как певца свободы. Теперь москвичи видят его и как драматического актера, которого немецкая печать называет «актером Брехта».

Е. САШЕНКОВ.